

Константин Леонтьев

О всемирной любви

Константин Николаевич Леонтьев

О всемирной любви

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2514635

Аннотация

"Я нахожу, что речь г. Достоевского... в самом деле должна была произвести потрясающее действие, если только согласиться с оратором, что признание космополитической любви, которое он считает уделом русского народа, есть назначение благое и возвышенное. Но, признаюсь, я многого, очень многого в этой идее постичь не могу. Это всеобщее примирение, даже и в теории, со многим само по себе так непримиримо!.. Во-первых, я постичь не могу, за что можно любить современного европейца..."

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11
Концевые сноски	

**Константин
Николаевич Леонтьев**
О всемирной любви
*Речь Ф. М. Достоевского
на Пушкинском празднике*

I

Не пора ли уж перестать писать о Пушкине и о всех тех, кто блистал и действовал на его московской тризне? Довольно!.. Общество русское доказало свою «цивилизованную» зрелость, поставило Пушкину дешевый памятник, *по-европейски* убирало его венками, *по-европейски* обедало, *по-европейски* говорило на обедах *спичи*. По обыкновению своему, интеллигенция наша ровно, по этому поводу, ничего не выдумала своеобразного. У подножия монумента великого русского творца не обнаружилось ни одного молодого и оригинального таланта ни в ораторском искусстве, ни в поэзии; говорили речи и стихи, и вообще, действовали тут все люди прежние, с давно определившимися взглядами и давно известные; блистали люди, которых молодость прошла при

прежних условиях, более сходных с условиями, развившими самого Пушкина. Враждебно ли или сочувственно относятся все эти таланты к *старому порядку* и его остаткам – все равно; *они все обязаны этому поруганному прошлому* как впечатлениями своими (то есть содержанием своих творений), так и умственными силами своими, трудившимися над воспроизведением этого содержания, данного русскою жизнью... *Нового ничего!*.. Ни изобретательности в форме чествования, ни какой бы то ни было ум поражающей свежей мысли, либо вовсе неслыханной, либо давно забытой и просящейся снова в жизнь. Многие из сказанного и написанного по этому поводу было где-то и когда-то, наверное, тоже сказано или написано теми же самыми лицами или иными, и гораздо лучше, и полнее. Один только человек, как слышно, выразился по поводу пушкинского празднества вполне оригинально: это – граф Л. Толстой. Печатали, будто он, отказываясь от участия в этом празднестве, сказал: «Это все одна комедия!»^[1] Я не думаю, чтоб это было так. Отчего ж комедия? Вероятно, многие были искренни в своем желании почтить память Пушкина... И хотя мне очень нравится эта независимость графа Толстого, его капризное пренебрежение к современности нашей, но я не вижу нужды соглашаться с тем, что все это – притворство и комедия. В искренность я готов верить; я желал бы видеть только во всем этом больше национального цвета, побольше остроумия и глубины. Все это, быть может, и очень тепло; но тепло как пар, не

замкнутый в какую-либо форму. Тепло, даже горячо, порывисто, но рассеялось скоро и не осталось ничего. Все надежды, все мечты, и мечты вовсе не картинные! Правду сказали в «Вестнике Европы» (я где-то это прочел), что и в том «смирении», которое хотят признать уже довольно давно отличительным признаком славизма, есть много своего рода самохвальства и гордости, ничем еще не оправданных...^[2] Довольно об этом. Больше всего сказанного и продекламированного на празднике меня заставила задуматься речь Ф. М. Достоевского. Положим, и в этой речи значительная часть мыслей не особенно нова и не принадлежит исключительно г. Достоевскому. О русском «смирении, терпении, любви» говорили многие, Тютчев пел об этих добродетелях наших в изящных стихах^[3]. Славянофилы прозой излагали то же самое. О «всеобщем мире» и «гармонии» (опять-таки в смысле *благоденствия*, а не в смысле *поэтической борьбы*) заботились и заботятся, *к несчастью*, многие и у нас, и на Западе: Виктор Гюго, воспевающий междоусобия и цареубийства; Гарибальди, составивший себе славу военными подвигами; социалисты, квакеры; по-своему – Прудон, по-своему – Кабе, по-своему – Фурье и Ж. Занд^[4].

В программе издания «Русской мысли»^[5] тоже обещают *царство добра и правды на земле, будто бы* обещанное самим Христом. В собственных сочинениях г. Достоевского давно и с большим чувством и успехом проводится мысль о любви и прощении. Все это не ново; ново же было в речи г.

Ф. Достоевского приложение этого полухристианского, полуутилитарного *всепримирительного стремления к многообразному – чувственному, воинственному, демонически пышному гению Пушкина*^[6]. Но, как бы то ни было, необходимо прежде всего считаться и с именем автора, и с эффектом, произведенным его словами, – тем более что эта не слишком новая мысль о «смирении» и о примирительном назначении славян (составляющем, за неимением пока лучшего, будто бы нашу племенную особенность) распространена в той части нашего общества, которое ни с любовью к Европе не хочет расстаться, ни с последними сухими и отвратительными выводами ее цивилизации покорно помириться не может. До этого, к счастью, еще наше смирение не дошло.

Об этой речи я и хочу поговорить.

Не знаю, что бы я чувствовал, если бы я был *там*. Но издали человек хладнокровнее. Я нахожу, что речь г. Достоевского (напечатанная потом в «Московских ведомостях»^[7]) в самом деле должна была произвести потрясающее действие, если только согласиться с оратором, что признание *космополитической любви*, которое он считает уделом русского народа, есть назначение благое и возвышенное. Но, признаюсь, я многого, очень многого в этой идее постичь не могу. Это всеобщее примирение, даже и в теории, со многим само по себе так *непримиримо!*..

Во-первых, я постичь не могу, за что можно любить современного европейца...

Во-вторых, любить и любить – разница... Как любить? Есть любовь-*милосердие* и есть любовь-*восхищение*; есть любовь *моральная* и любовь *эстетическая*. Даже и эти два во-все несхожие *влечения* нужно подразделить весьма основательно на несколько родов. Любовь моральная, то есть искреннее желание блага, сострадание или радость на чужое счастье и т. д. может быть *религиозного происхождения* и происхождения *естественного*, то есть производимая (без всякого влияния религии) большою природною добротой или воспитанная какими-нибудь гуманными убеждениями. Религиозного происхождения нравственная любовь потому уже важнее естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной; а до религиозной любви, или милосердия, может дойти и самая черствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей.

На это можно привести довольно примеров и из нынешней жизни. Но живые примеры и биографические подробности заняли бы здесь много места. Больше я развивать эту тему и подразделять чувства любви или симпатии не буду. Об этом можно написать целую книгу. Я только хотел *напомнить* все это. Остановлюсь на грубом, можно сказать, различии между любовью моральной и любовью эстетической. Мы жалеем человека или он нравится нам – это большая разница, хотя и совмещаться эти два чувства иногда могут. Попробуем приложить оба эти чувства к большинству *современ-*

ных европейцев. Что же нам – жалеть их или восхищаться ими?.. Как их жалеть?! Они так самоуверенны и надменны; у них так много перед нами и перед азиатцами житейских и практических преимуществ. Даже большинство бедных европейских рабочих нашего времени так горды, смелы, так *не смиренны*, так много думают о своем мнимом личном достоинстве, что сострадать можно им никак не по первому невольному движению, а разве по холодному размышлению, по натянутому воспоминанию о том, что им в самом деле может быть *в экономическом отношении тяжело*. Или еще можно их жалеть «философски», то есть так, как жалеют людей ограниченных и заблуждающихся. Мне кажется, чтобы почувствовать невольный прилив к сердцу того милосердия, той нравственной любви, о которой я говорил выше, надо видеть современного¹ европейца в каком-нибудь униженном положении: побежденным, раненым, пленным, – да и то условно. Я принимал участие в Крымской войне как военный врач. И тогда наши офицеры, даже казацкие, не позволяли нижним чинам обращаться дурно с пленными. Сами же начальствующие из нас, как известно, обращались с неприятелями даже слишком любезно – и с англичанами, и

¹ Я говорю «современного» в смысле тенденции, рода воспитания и всего того, что составляет так называемый *тип*, а не про всех тех, которые *теперь живут*. И Бисмарк, и папа, и французский благородный легитимист, и какой-нибудь набожный простой баварец или бретонец *тоже теперь* живут, но это остатки прежней, *густой*, так сказать, и *богатой духом* Европы. Я не про таких современников наших говорю, объясняюсь раз навсегда.

с турками, и с французами. Но разница и тут была большая. Перед турками никто блистать не думал. И по отношению к ним действительно во всей чистоте своей являлась русская доброта. Иначе было дело с французами. Эти – сухие фанфароны были тогда победителями и даже в плену были очень развязны, так что по отношению к ним, напротив того, видна была жалкая и презренная сторона русского характера – какое-то желание заявить о своей деликатности, подобострастное и тщеславное желание получить одобрение этой массы самоуверенных куаферов, про которых Герцен так хорошо сказал: «Он был не очень глуп, как большинство французов, и не очень умен, как большинство французов». Все это необходимо отличать, и великая разница *быть ласковым* с побежденным китайским мандарином или с индийским пария – или *расстилаться* пред французским *troupiér*²

² Солдат (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Концевые сноски

1.

С приглашением участвовать в празднике Пушкина обратился к Толстому Тургенев, но получил отказ (см.: Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 179). Фраза Толстого, приведенная Леонтьевым, возможно, была известна ему в устной передаче, но смысл отношения Толстого к данному событию она вполне передает.

2.

См.: ВЕ. 1880. № 7. В заметке, на которую ссылается Леонтьев, было сказано, что «речь г-на Достоевского была построена на фальши – на фальши, крайне приятной только для раздражаемого самолюбия» (с. XXXIII).

3.

Здесь цитируется строка из стихотворения А. С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836). См. также стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

4.

Леонтьев называет общественных деятелей и мыслителей социалистических убеждений, всех, кто так или иначе был озабочен устройением земной жизни людей, их счастьем: Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский

писатель, автор романтических драм «Кромвель» (1827), «Эрнани» (1830) и др.; Гарибальди Джузеппе (1807–1882) – национальный герой Италии; Прудон Пьер Жозеф (1806–1865) – французский социалист-утопист, один из основоположников анархизма; Кабе Этьен (1788–1856) – французский писатель, идеолог утопического «мирного коммунизма»; Фурье Франсуа Мари Шарль (1772–1837) – крупнейший идеолог французского утопического социализма; Санд (Занд) Жорж (наст. имя Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван; 1804–1876) – французская писательница, в своем творчестве выступала страстной защитницей свободы личности, женской эмансипации. Ш. Фурье, В. Гюго, Ж. Санд оказали большое влияние на молодого Достоевского.

5.

Научный, литературный и политический журнал (1880–1918), выходил в Москве, в 80-е гг. придерживался славянофильской ориентации.

6.

В связи с этим интересен отклик С. Франка, частично соглашавшегося с Леонтьевым и в то же время полагавшего, что «обратная характеристика Леонтьева по меньшей мере также односторонняя». См.: Франк С. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957. С. 21.

7.

Моск. ведомости. 1880. 13 июня. № 162.